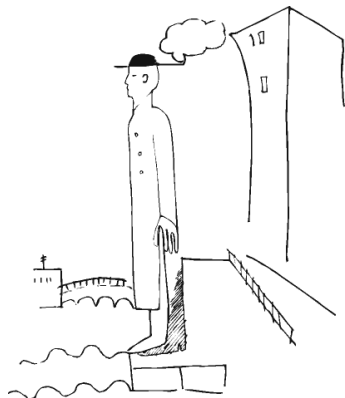

Петербургские судьбы

*Анна Валерьевна Петрова,
редактор журнала «Квартальный»*

«В 1937-м я была на премьере Пятой симфонии Шостаковича...».

Беседа с Татьяной Сергеевной Бершадской

Татьяна Сергеевна Бершадская (р. 1921) – старейший петербургский музыковед. В прошлом году она отметила 70-летие музыкальной-педагогической деятельности, шестьдесят лет преподает на кафедре гармонии и музыкального анализа в Петербургской консерватории.

Анна Петрова, редактор журнала «Квартальный надзиратель», училась у нее в 1990-х годах, но задавать вопросы профессору, на экзаменах которого все трепетали и мнение которого на вступительных чуть ли не решало судьбу абитуриента, в голову не приходило –

*Татьяна Сергеевна Бершадская. Фото Натальи Кривцовой
(re Musik. 2011. 5 сент. URL: <http://www.remusik.org/>)*

вопросы всегда задавала она! Расспросить Татьяну Сергеевну о ее прошлом, учителях, родителях, петербургских адресах догадалась лишь недавно.

Татьяна Сергеевна, собирая материал о кинотеатре «Титан», который открылся в 1926 году на месте ресторана «Палкин», я обнаружила, что при нем существовал оркестр и руководил им Сергей Бершадский¹. Это оказалось прекрасным поводом Вам позвонить – ведь не однофамилец же он Ваш?

Это мой отец. В 1920–1930-е годы концерты перед началом сеанса устраивались во многих кинотеатрах — в «Октябре», в «Художественном», в «Колизее», папа также работал в «Авроре»

---

¹ Сергей Владимирович Бершадский (1881–1942) – выпускник С.-Петербургской консерватории (1908). Работал как дирижер, композитор и аранжировщик. Преподавал в музыкальном училище, много лет руководил небольшими оркестрами, делал для них всевозможные переложения. Среди его произведений — романсы, фортепианные миниатюры, квартеты, опера «Степан Разин».

(«Пикадилли»), где после войны выступал потомственный музыкант скрипач Владимир Малашкин. Играли то, что сегодня назвали бы легкой классикой: «Музыкальные моменты» Шуберта, миниатюры Грига. Составы были небольшие — по два-три пюльта. Иногда приглашали вокалистов. Хотя папа и сам писал музыку, он — ученик Римского-Корсакова, окончил Петербургскую консерваторию как скрипач, дирижер и композитор, — я не помню, чтобы он исполнял свои сочинения, лишь аранжировки.

Вы бывали у него «на работе»? Как проходили такие концерты?

В «Титане» была целая цепь фойе, в одном из них стояли рядами стулья, как в концертном зале. Атмосфера была, конечно, не такая, как в Филармонии, но люди с удовольствием слушали, аплодировали, а те, кому хотелось поговорить, могли уйти в другой зал. Потом, уже в 1950-е, из экономии живую музыку заменили записями.

«Титан», как и «Аврора», «Октябрь», «Художественный», «Сатурн» на Садовой, не закрывался и в блокаду — это была наша отрада. Билет стоил копейки. Если объявляли обстрел или налет, зрителей выгоняли в убежище, а если артобстрел объявляли в другом районе, например, на Васильевском острове, то мы слышали, что снаружи бухает, но продолжали смотреть фильм.

Что показывали?

Картины, которые были сделаны уже во время войны, — «Машенька», «Март-апрель», крутили и старые ленты: «Истребители» с Марком Бернесом, «Антон Иванович сердится». Помню английскую комедию «Джордж из Динки-джаза», «Леди Гамильтон» с Вивьен Ли, «Первый бал» с Диной Дурбин, «Маленькую маму» с Франческой Гааль. Скрасить ожидание сеансов помогали концерты в фойе. Удивительно, но они продолжались и в войну. Мы иногда даже танцы устраивали. Откуда силы брались?

Про силы... Какая у Вас нагрузка в Консерватории в этом году?

Да как обычно: первый курс, второй, третий, дипломники, аспиранты. Сколько дают — столько и учу.

Считали когда-нибудь своих учеников?

Приблизительно. Если только музыковедов, то дипломников и диссертантов — за сотню. Но у меня же учились и дирижеры,

композиторы – Юра Симонов, Неэми Ярви, Юра Фалик, Слава Карцовник, Андрей Денисов, Даня Шутко.

Помню, что Вы всегда отбирали с курса в свой класс только парней. С ними что – интереснее?

Я как-то надеялась, что из них больше толка выйдет.

Мы с Вами беседуем в доме на углу Мойки и переулка Гривцова (б. Демидовом), где, как выясняется, Ваша семья живет уже больше ста лет. Для центра Петербурга такая оседлость – редкий случай!

Я живу здесь с 1924 года. А бабушка, мама и тетя жили этажом выше еще в начале XX века. Потом на несколько лет они отсюда уехали. Мама в 1912 году закончила Николаевский сиротский институт², который готовил гувернанток – язык, рояль, все такое. И ее стала смущать наша неказистая лестница – в углу двора, выглядит как черный ход, но у нас никогда не была парадного.

Это был доходный дом Ветошникова, владельца дровяного склада по соседству, рядом с Географическим обществом. До постройки огромного бизнес-центра на Гривцова, 4, из наших окон открывался замечательный двор с видом.

Раньше по соседству на Демидовом переулке пересыльная тюрьма была, баня во дворах...

Баню помню. Ходили в нее до 1958 года, пока ванну не поставили. Топили дровами, вот печка живая, могу затопить. Отопление паровое сделали в 1960–1961 году. Из квартир на нашей лестнице наша – самая плебейская. Этажом выше – такая же точно по планировке, но потолки на полметра выше, паркет. А у нас – потолки лишь три метра и дощатый пол, паркет позже положили. Так вот в 1912 году мама с бабушкой переехали на Торговую улицу (Союза Печатников), там была шикарная лестница, витражи со сказками, мы ходили как-то специально смотреть. После революции мама вышла замуж, я родилась на Миллионной улице, 25, тогда уже улице Халтурина. У папы была квартира в 9 или 10 комнат. До трех лет я жила там. Но когда началось уплотнение и подселение, мы предпочли съехаться с бабушкой и с тетей опять в этот дом на Мойке.

---

² Ныне Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена.

10 комнат! Ваш отец уже тогда какой-то солидный пост занимал?

Он был музыкант! Никакого поста не занимал, но мог позволить себе квартиру, где столовая была под 60 метров. Папина сестра и бабушка со стороны отца³ жили там до смерти в блокаду. Я ходила к ним в гости. Третий этаж в третьем дворе от улицы Халтурина. Окна кабинета и гостиной выходили на Неву, на Петропавловку. Был второй парадный ход, но уже тогда мы им не пользовались.

Мама тоже была музыкантом?

Мама, как и тетя, были ученицами пианиста Виссендорфа. Василий Васильевич Виссендорф, сотрудник и друг Антона Рубинштейна, работал в Консерватории, потом они с Рубинштейном разошлись в методических установках, и он ушел работать в Музыкальную школу Боровки⁴. Две школы в Петербурге были тогда в статусе современных музучилищ, то есть готовили наиболее одаренных учеников к поступлению в Консерваторию. Также Виссендорф работал и в Николаевском институте. Моя тетя⁵, она кончила этот институт на год раньше мамы в 1911-м, поступила к нему в Школу Боровки, а потом в Консерваторию. Она была блестящая пианистка – играла всего Шопена, всего Листа, прелюдии и фуги из «Хорошо темперированного клавира» Баха, оперные клавиры. Подрабатывала тем, что аккомпанировала певцам, но служила машинисткой в «Академкниге». Я выросла в музыке, дома постоянно звучал рояль, вся оперная литература, все романсы были у меня на слуху. Тетя умерла, три дня не дожив до 99 лет.

Мамина девичья – Северьянова, они с сестрой – правнучки актера Каратыгина⁶.

Вы учились дома музыке или в школу ходили?

---

³ Бершадская Раиса Владимировна (1873–1942), Бершадская Клара Яковлевна (1851–1941).

⁴ Боровка Иосиф Александрович (1853–?). Музыкальное образование получил в С.-Петербургской консерватории, где учился у одного из лучших пианистов эпохи Теодора (Федора Осиповича) Лешетницкого. В 1878–1887 гг. преподавал в консерватории. В 1902-м вновь приглашен туда профессором по классу фортепиано. С 1889 г. возглавлял Санкт-Петербургскую музыкальную школу.

⁵ Северьянова Мария Григорьевна (1891–1990).

⁶ Северьянова Нина Григорьевна (1892–1942).

Училась дома до 14 лет, но это было непродуктивно. Потом поступила в школу, к Галине Тихоновне Филенко⁷ – она была моей первой учительницей музлитературы. Она-то и спровоцировала мою увлеченность музыкой. Мы были все в нее влюблены, она нам играла много.

Школа была на 1-й Красноармейкой, дом 14⁸. При ней еще существовали курсы для взрослых. Из роялей там стояли «Блютнеры», «Беккеры», «Бехштейн» считался самым замечательным.

У меня в квартире стоит «Мюльбах», ему 102 года. Теткин. Когда она закончила институт и поступила в Школу Боровки, ей купили инструмент.

Я ни разу не ремонтировала его, лишь вынули осколок от снаряда. Видите, выщерблен кусочек? Рояль простоял в этой комнате всю войну, окна гостиной выходят на юг, а с юга, со стороны Пулкова как раз и обстреливали. Поэтому мы переехали всем семейством на другую сторону – на кухню и в кладовку без окон. От бомб никакого не было спасения, но от снарядов стены – метровые, капитальные, нас защитили. Когда я весной 1942-го зашла в гостиную, рояль спустил ровно на полтона, но весь и ровно, можно было играть.

Татьяна Сергеевна, Вы – одна из немногих в городе, кого можно расспросить про нэп как свидетеля. Что-нибудь помните?

Отголоски. Помню, как с бабушкой ходили за хлебом к Воронину на Демидов переулочек, а за колбасой – к Сергееву, на Казанскую на углу Нового (Антоненко. – *ред.*) переулочка. Покупали там колбасные обрезки, они стоили дешевле, у нас туговато было с деньгами. Еще помню пирожные по 3 и по 5 копеек, которые нам покупали с двоюродной сестренкой. Мы росли с ней вровень – я родилась 4 июля, а она – 2 июля в один год⁹. Как говорил папа – близнецы из разных квартир.

⁷ Филенко Галина Тихоновна (1911–2001) – музыковед, специалист по французской музыке, знаменитый педагог Ленинградской консерватории. В 1937 г. окончила историко-теоретический факультет ЛГК, в 1941-м – аспирантуру по кафедре всеобщей истории музыки. С 1937 г. преподавала в качестве ассистента А. В. Оссовского и И. И. Соллертинского, затем вела специальные и общие курсы истории зарубежной музыки.

⁸ Официально назывался 5-й государственный музыкальный техникум.

⁹ Северьянова Вера Эмильевна (1921–1942).

Ваша мама работала в 1920-е годы?

Мама работала в частной немецкой школе сестер Виссендорф на 2-й линии В.О., дочерей ее педагога. Я у них училась первые годы. Но потом из-за болезни связок мама не смогла продолжать преподавать французский, перешла на бухгалтерскую работу. Школы частные все сокращали и сокращали, и хозяйки – Елена Васильевна и Ольга Васильевны Виссендорф официально закрыли ее, но у себя в доме продолжали держать начальные классы. Но на второй год и это прикрыли. Но нас долго не хотели отдавать в единую трудовую школу, мама боялась болезней, влияний, и учителя приходили к нам домой. Елена Васильевна преподавать немецкий, а Ольга Васильевна – русский и арифметику. Но в 1930-м роно потребовало, чтобы мы таки пошли в школу, и мы попали в бывшую Вторую гимназию на Казанской (улице Плеханова).

Сейчас она считается одной из самых престижных школ. А в 1930-е?

Трудно сказать, я проучилась там всего два года. В третьем классе, куда я пришла, было 40 человек, я по возрасту – самая младшая, рядом за партами сидели деревенские дети по 11-12 лет. У нас был «комплекс» – мы изучали не отдельно русский, ботанику, географию, а все вместе. Это продернуто в фильме «Два капитана». Проходим утку – выясняем, где она живет, куда улетает, как сложена. Лишь арифметика была отдельно. С пятого класса пошли отдельные предметы. Отметки были только уд и неуд. И существовал бригадный метод: класс был разбит на бригады по 4 человека, бригадир отвечал за всех; в моей бригаде была моя сестреночка, девочка по имени Настя Тройникова, которая никогда ничего не знала, еще кто-то и я. Я должна была с ними заниматься, подтягивать отстающих. Училась в нашем классе такая Наталья Рождественская – замечательная девочка, тоже бригадир, мы с ней соревновались.

Камнем преткновения для меня стал столярный труд. Доски всегда у меня разъезжались вкривь и вкось. Классный руководитель меня стыдил: «Как же! Ты – первая в классе и имеешь неуд по труду. Ходи на дополнительные!». Я ходила, в итоге учитель поставил мне неуд с плюсом. Тем не менее меня наградили грамотой в 5 классе, при всех, в нашем огромном актовом зале. Было приятно невероятно. Умения эти пригодились мне во время войны, знала, что такое ножовка, – дрова ловко пилила.

В пятом классе были введены оценки – хорошо, уд и неуд. Отлично пока не ставили.

Выпускали мы так называемую живую газету в 4 классе: составлялись тексты из политических грамотных статей, соответственным образом нас наряжали в честь какого-то интернационала – а нас воспитывали очень интернационально, то, что все нации – равны, чуть ли на знамени нашем было написано. Однажды я была китайкой, сделали мне из гофрированной бумаги кимоно, и я декламировала – до сих пор помню! – «На ткацкой фабрике в провинции Хенэй работают столько то человек, из них – столько-то дети». Такая у нас была художественная самодеятельность.

После 5 класса я ушла, поскольку эту школу сделали образцовой, и мою сестреночку, которая не очень хорошо учились, там не оставили – тех, кто послабее, переводили в другие школы. Родители сказали: «Тогда ты тоже переходи». И с 6 класса мы учились с ней в школе № 28 на углу Фонарного переулка и канала Грибоедова. У нас были чудные учителя, из старых гимназий, образование дали превосходное.

Мама меня учила французскому, но только умею читать, что-то понимаю.

Были ли у ваших родителей в 1930-е годы проблемы с происхождением?

Мама за него пострадала. Мой дед¹⁰, которого не только я не знала, но и она, получил личное дворянство и орден Станислава, и когда в анкетах спрашивали происхождение, мама написала, что отец был дворянин. Ее уволили с работы. Наш управдом предупредил: «Я не должен вам говорить, но к вам придут». В 37-м мы все время ждали обыска, сожгли уйму документов и книг, которые могли вызвать «интерес». В итоге мама написала Калинин письмо, что не понимает, за что ее преследуют, отец умер, когда ей было два месяца, мать ее работала на телеграфе 48 лет, и сама она все время трудилась. Почему она должна испытывать притеснения? И представляете – пришел ответ! Мы ходили его получать в Смольный. Калинин велел восстановить маму на работе в банке и прекратить преследования. Нашлась-таки управа и на этих людей! А наш физик

---

¹⁰ Коллежский ассесор Григорий Северьянов (?–1892).

замечательный – пропал, приходим в школу – его нет, учителя молчат, потом лишь узнали, что он арестован.

Когда Вы решили поступать в музыкальное училище?

После окончания школы. Галина Тихоновна убедила. Наша математичка звонила маме на работу: «Вы преступление совершаете!». Она была уверена, что мне надо заниматься математикой. Я всегда во всех матбоях участвовала. И действительно, колебалась между математикой и музыкой. Ну вот – в своих музыковедческих работах проверила алгеброй гармонию. Знаете, как мне помогает логическое мышление?! Мой научный руководитель, Юрий Николаевич Тюлин¹¹, тоже помимо Консерватории учился на юридическом и на математическом факультетах в Университете. Я в этом смысле вполне его ученица, потому что логика для меня – важнейшее.

Я подавала заявление в музыкальный техникум на улице Некрасова, в 1936 году его как раз очередной раз переименовали, на этот раз – в Музыкальное училище при консерватории¹². Поступала я

---

¹¹ Тюлин Юрий Николаевич (1893–1978) – выпускник, а затем преподаватель Ленинградской консерватории в 1925–1967 гг., с 1935 г. – профессор. В 1937 г. защитил докторскую «Учение по гармонии». Его учебник «Теоретические основы гармонии» (1956), написанный в соавторстве с Николаем Георгиевичем Привано, до сих пор служит основным пособием курса по гармонии в российских музыкальных училищах и в вузах.

¹² В январе 1936 г. постановлением ЦИК и СНК СССР 1-й музыкальный техникум (б. Центральный музыкальный техникум) стал 1-м музыкальным училищем (сейчас – С.-Петербургский музыкальный колледж им. М. П. Мусоргского). 2-й музыкальный техникум, о котором говорит Т. С., – Училищем при ЛГК (сейчас С.-Петербургский музыкальный колледж им. Н. А. Римского-Корсакова). Музыкальное образовательное учреждение, занимавшее с 1919 г. помещение на ул. Некрасова, 4/2, за 17 лет неоднократно меняло название: Государственный институт музыкального просвещения (ГИМП) Музыкального отдела Наркомпроса (1919–1924), Ленинградский государственный техникум музыкального просвещения (ТЕМП), в 1927 он стал 3-м музыкальным техникумом, в 1930 – 2-м, в 1932 – Ленинградским музыкальным радиотехникумом Всесоюзного комитета радиовещания при СПК СССР. В 1935 г. согласно архивной справке ЦГАЛИ Л-да № 322 от 28.12.1990 на Некрасова, 4/2 значатся курсы музыкального образования при ЛГК и музыкальная школа при техникуме ЛГК. Ленинградское музучилище при ЛГК в 1945-м переехало на Матвеев пер., д. 1а, где находится и по сей день. А помещение на ул. Некрасова перешло Детской музыкальной школе Дзержинского района, потом С.-Петербургской детской школе искусств № 6 им. С. В. Рахманинова (сейчас Музыкальный колледж им. Римского-Корсакова).

сразу на 3 курс, потому что на музыковедов брали только после двух исполнительских курсов. Историко-теоретический отдел лишь недавно открылся, я поступала на третий год его существования. Сдавала сольфеджио, теорию, фортепиано, музыкальную литературу. Мне всегда на всех экзаменах попадался только Гайдн.

Фамилия отца помогала?

Его знали в городе, но я в этом и не нуждалась. Я слишком любила то, чем занималась.

Борис Исаакович Зейдман, композитор, принимал экзамены в качестве ассистента Николая Георгиевича Привано. Услышав мое имя, сказал: «О, дочка?! У ее папаши слух феноменальный!». А Николай Георгиевич ответил: «Не значит, что и у дочки феноменальный».

В Училище учились тогда пять лет, но я за первый год сдала сразу за третий и четвертый курсы, чтобы не отставать от своего школьного выпуска, они же уже в вузах учились. Я везде скакала через курсы. Параллельно занималась на курсах немецкого, на Мойке, 108.

Кто Вас учил в Училище?

Прежде всего – Привано. Ада Григорьевна Шнитке по анализу, замечательная была, вся кипела. Когда она входила в класс, в ней уже все звучало, и нам это передавалось. Она умерла, когда ей было 80 лет от тяжелейшего рака. В последний год часто мне звонила, ей было плохо. Изнывая от боли, начинала разговор – «Таня, болит!». А потом сразу переходила: «Вот в Третьей симфонии Бетховена эта тема...». Жила музыкой до последнего момента.

Западную музлитературу вела у нас Наталья Ивановна Жемчужина, потом – Филенко. Эмилия Лазаревна Фрид, очаровательная женщина, читала нам русскую музыку.

То, что училище считалось при консерватории, было не формальным названием. Мы пользовались консерваторской библиотекой, ее читальным залом, ходили туда на все занятия. У нас были те же педагоги – Привано, Шнитке, Гефельфингер Александр Генрихович по сольфеджио. С годами училище начало обособляться: ушли в вуз Привано и Шнитке. Когда меня пригласили работать в Училище в 1945-м, оно уже переехало на Матвеев переулок. Я тоже перешла потом работать в Консерваторию.

На каких премьерх Вы бывали в 1930-е?

На Пятой Шостаковича в 1937-м, незабываемое впечатление! Стояла у колонны. По интонационному строю это было совершенно непривычно, ведь тогда еще господствовало ощущение классической системы.

Какая обстановка в зале была? Вы знали тогда про проблемы композитора после статьи в «Правде» «Сумбур вместо музыки»?

Меня тогда это мало интересовало. Мало про него знала.

Дома обсуждали Шостаковича?

Никогда. У нас, насквозь в музыкантском доме, в этом плане не говорили. Даже проигрыватель исключался – звучала только живая музыка. У папы был ламповый радиоприёмник, ловил какие-то станции. В 41-м его по приказу сдали, а потом, как ни странно, получили обратно, в районном отделении милиции. Долго работал дома.

Каких дирижеров Вы слушали в Филармонии?

В основном, слушала пианистов. Божество – Софроницкий, выше него никого не было, до сих пор по нему всех меряю. Восторженная привязанность. Его племянник учился вместе с моей подружкой из музыкальной школы Ларой Крицкой. Этот Дима Штамм принес нам фотографии нашего кумира в домашнем виде. Я потом одну подарила Филенко на ее юбилей – ничего дороже у меня не было!

Скрипачами мало тогда интересовалась. В 40-м году помню последний концерт Мирона Полякина. Уезжая после него, он умер в поезде. Он играл концерт Бетховена – это была фантастика. И еще один не могу забыть – Пятый концерт, который играла Мария Юдина, они до сих пор у меня стоят в ушах.

Приезжал Артур Шнабель – и не произвел никакого впечатления, то же самое Эгон Петри – одни пальцы бегали. Всегда симпатичное впечатление производил Лев Оборин. После войны – Яков Флиер.

Ходили в кружки современной музыки?

Нет. Современной музыкой я стала интересоваться только в консерватории. У нас дома звучала романтическая немецкая и русская музыка. Хотя Филенко пыталась нам привить любовь к французской музыке. Дебюсси? Я его до сих пор не особенно люблю.

Он от меня далек. Его же одно время запретили. Хорошо помню в 1954-м 22 июня я защитила диссертацию, а на следующий день, такая освобожденная, пошла на концерт – Рихтер играл Дебюсси. Когда долго его не слышала – он доставил мне эстетическое удовольствие.

Были ли Вы апологетом Мравинского?

Ни-ког-да! Блестящий мастер, хозяин оркестра, но никогда его дирижированием не увлекалась. Слишком сухо. Моя горячая любовь – Николай Семенович Рабинович. Музыкант! У него в классе я пропадала бесконечно. Открыл мне всю музыку. Был не только класс замечательный, но и дирижерский клуб. Я же собиралась еще быть дирижером. Первый год консерватории предвоенный я из класса Рабиновича не вылезала. Мы занимались по понедельникам и четвергам дирижированием, я помогала как концертмейстер, даже пела. А в понедельник вечером после десяти – был клуб, мы смотрели музыку, играли в 4 руки, просто так, ради удовольствия, ну, конечно, он делал какие-то замечания как дирижер.

А смотреть, как Мусин с дирижерами занимается, ходили?

Нет. Илья Александрович создал школу, но у него преобладала техника. Мне не пришло бы в голову к нему ходить на уроки.

Ваши вступительные экзамены в консерваторию тяжелые были?

Когда училище заканчивала, весной, накануне экзаменов, заболела корью, и экзамены сдавала осенью – написала задачку, было какое-то собеседование, где я опять что-то рассказывала про Гайдна. Меня слушали Грубер, Оссовский, Богоявленский, Гинзбург. Спросили: «Чайковский – романтик или нет?». Я ответила: «Конечно, романтик!». Приняли.

Вы иначе спрашиваете! Или уровень абитуриентов постоянно растет?

Ну, требования-то уже другие. Мы гармонизовали задачу в пределах мажора-минора. Теперь же мы предлагаем на экзамене написать двухчастную форму: прелюдию с досочинением, с далекими модуляциями. И правильно! Николай Георгиевич нас постоянно на этом держал, сочиняли постоянно.

Вы и композитором хотели быть?

Никогда не считала себя достойной. Хотя всегда слышала музыку в любой цифровке. Когда аккорды играют по слогам, я прерываю и спрашиваю: «Что вы делаете? Это же музыка!».

Почему Вы не эвакуировались в 1941-м с консерваторией?

У нас была большая семья. Они не захотели. Папа был очень болен. Мы все приросли к этому месту. Когда началась война нас, студентов, взяли в местные команды МПВО. 24 июня уже перевели всех на казарменное положение, поселили на четвертом этаже, в 43 и в 44 классах поставили кровати, привезенные из общежития. Домой отпускали раз в неделю помыться. Разбили на команды – дегазационная, пожарная, санитарная, я была в команде управления и связи, которая осуществляла между ними внутреннюю связь – радиации-то не было. Туда отправили зеленую молодежь.

Было ли у Вас ощущение, что война неизбежна?

Это не было громом среди ясного неба. Мы надеялись на пакт Молотова – Риббентропа. Но папа мой подружки, адмирал, говорил нам все время: «Будет война, девочки, и будет скоро». Военные это знали. Внутреннее ожидание у нас тоже было.

На многих домах в Ленинграде есть почти масонские знаки – «Готов к труду и обороне», это значит все жильцы этого дома сдали нормы МПВО. Вас готовили?

На 1 курсе был урок военной подготовки, мы учились стрелять, в подвалах консерватории был тир. Мне дали винтовку, я сходу попала в десятку. Меня послали на соревнования, но там пулю мою долго искали. Военрук проводил строевую, была санитарная врач, вела занятия по оказанию первой помощи – я здорово научилась бинтовать голову, локти.

Сколько времени Вы были на казарменном положении?

Когда консерватория уехала, ректор сразу стал начальником штаба. У меня есть удостоверение, что я боец отделения связи за подписью Серебрякова. Потом к нам в консерваторию поселили военизированные команды МПВО – военнообязанных женщин из дружин. Они после бомбёжек спасали тех, кто оказывался в завалах.

А мы не были военнообязанными – мы оставались штатскими, и карточки студенческие считались иждивенческими. В декабре–январе нас распустили. А до этого – все время тушили зажигалки, я все чердаки в консерватории знаю по номерам, где какой.

Страшно было?

Конечно, страшно. Но надо – значит бежишь. Страшнее бомбежек были обстрелы, поскольку о них не предупреждали. Идешь по улице и не знаешь, когда начнется. Я была свидетельницей самого первого обстрела города – 9 сентября на углу Большой Морской и Гороховой (Дзержинского), напротив дома Фаберже. Мы шли из магазина с тетей – вдруг треск, огонь, что такое?! – тревоги ведь не объявляли! Когда объявляли тревогу, мы знали, что подлетают – бежали в убежище.

Обстрелы больше всего вызывали внутренний страх, не панику! Потом приноровились. Неслучайно ведь, надпись на Невском «Эта сторона...», она реально действовала. По нашему Демидову переулку тоже надо было идти по нечетной стороне, не по нашей. Разрушено здесь было много. На углу Мошкова переулка я помню страшную картину, обвалилось полдома и долго не разбирали этот завал, абажур висел, кровать.

Карточки ввели сразу?

Да. И самое страшное было их потерять.

Где отоваривали?

Если бы их отоваривали! Наши были прикреплены к магазину водников на углу Б. Морской и Гороховой, в низочке, там сейчас кафе. Там был большой магазин. Булочные можно было выбирать без прикрепления. Ближайшая была на углу Антоненко, там где сейчас магазин «Бюрократ», и еще булочная была на углу Грибоедова и Гривцова.

Кто ходил стоять в очередях?

В сентябре все по очереди. Потом только я – поэтому и выжила, что заставляла себя ходить. За водой надо было ездить с санками на угол Садовой и Гороховой, там в воронке была поврежденная труба. Сначала закрыли кран в квартире, потом – во дворе.

В Мойке не было проруби?

Нет. Из Мойки не пили. Да какие проруби! На Неве прорубали полыньи моряки с военных кораблей, что там стояли. А здесь – в 40 градусов мороза кто бы их поддерживал?

Мы в кино ходили. Начиная с марта. В декабре выходили только по необходимости. Я в декабре получила письмо с фронта, написанное незнакомым почерком, что Николай Георгиевич Привано, который ушел на фронт добровольцем, ранен и лежит в госпитале на 22-й линии. И его, наверное, отправят в тыл. Представляете, что такое в декабре 41-го дойти с Мойки от Исаакиевской площади до 22 линии? Но я добрела. Он был ранен в руку, его действительно отправили в тыл, но правая рука у него потом не действовала.

В консерватории мы учились с сентября до конца декабря. Потом стало все прекращаться, потому что педагоги поумирали. Михаил Семенович Друскин был еще жив, но уже не приходил. Возобновились занятия в марте. Стали потихонечку собираться.

Вы летом 41-го сумели что-то заготовить из продуктов?

Боже упаси! У нас было неприспособленная семья, мы же все только на рояле играли. Наоборот, нас обокрали в первые же дни. Дрова у нас были в сарае в подвале, у каждой квартиры там был чулан, но когда стали строить бомбоубежища, все замки снимали, мы пришли, а дров нет. Пришлось книжки жечь, мебель, какие у меня были французские сказки с потрясающими гравюрами, переложенные папиросной бумагой.

Ноты?

Нет, ноты не жгли.

На концерты ходили?

Мало. И на премьере Седьмой Шостаковича не была. Я работала в детском саду, его перевезли в Удельную на дачу весной 43-го. Туда снаряды не долетали. Там мы и остались.

А афиши Седьмой видели?

Я редко покидала Удельную. Трамвай-то не ходили оттуда.

Сначала я работала два месяца в детском доме. Это был ужас, туда собирали детей, у которых родители умерли или погибли на

улицах. Потом он, к счастью, эвакуировался. Потом, чтобы получить рабочую карточку, я пошла в военные мастерские в оптико-механический институт по соседству. «Сборщик оптик 4 разряда» – так начинается моя трудовая книжка. Чистила танковые панорамы, окопные перископы, буссоли, полевые бинокли. Чистила спиртом стеклышки – трудоемкая работа, чтобы не оставалось ни соринки. Стекол много, надо было их всех развинтить, потом вставлять и ничего не заляпать. Потом я долго еще свои бинокли дома чинила.

Потом понадобился музработник в соседнем доме – Мойка, 58. Там был детский садик, но фактически – детдом, дети находились там круглосуточно, поскольку их родители были на фронте или на заводах на казарменном положении. Пришла работать 1 января 1943, так что 1 января 2013 года исполнилось 70 лет моей педагогической деятельности. Надо делать елку к Рождеству, к 7-му. Собрала старые ноты – вальс, матросский танец. Учила я с ними и новый гимн – «Интернационал» в 1944-м отменили, мы учили новый, все у меня хорошо пели.

Когда Консерватория возобновила занятия?

Занятия-то шли, но полного курса-то не было. В 44-м консерватория приехала, и я восстановилась на втором, но тут же сдала за второй и третий.

У меня все умерли в блокаду. Папа в ночь со второго на третье января 1942-го, мама – 16 июня, бабушка – 23 августа, сестренка Верочка – 20 сентября. Остались я и тетка. Родителей я похоронила, а бабушку не смогла. Хоронили-то только за хлеб, а она умерла в конце месяца, и хлеба у меня уже не было.

В 42-м году весной мы вдруг получили посылку из Ташкента – нам всем, оставшимся здесь, прислали по килограмму риса и сухофруктов. Знаете, какая это была ценность! Не забыть! Я пришла на занятия, а мне говорят – «Иди, получай посылку!».

В октябре 44-го уже начали учиться. Консерватория вернулась несколькими рейсами, и там случилась трагедия – им дали теплушки, где в одном из вагонов перевозили до того веселящий газ, многие отравились.

Как сказалоcь на преподавании постановление 1948-го года¹³? Ведь наша программа истории музыки, где отводится одинаковое количество часов на изучение русской музыки и на изучение всей остальной, это же последствия тех указов?

Да, мы тогда удивилась. Это был приказ сверху. В училище соотношение было два к одному. Мы два года проходили творчество западноевропейских композиторов, один – русских. Начинали с Баха, что было до него услышали уже в Консерватории, на лекциях Романа Ильича Грубера.

В консерватории было сильно идеологическое давление?

Зарубежная музыка XX века была под запретом. Когда Глен Гульд приехал в 1957-м и стал играть Веберна¹⁴, для меня и других это было потрясением. У него был концерт в Филармонии, а потом он пришел в консерваторию, играл в Малом зале. Я-то сидела, но вокруг стояли даже между рядами, мне это стоило пуговиц с костюма. Он играл Баха потрясающе, а на бис сыграл произведение, которое, как он предупредил: «Я считаю шедевром» – и сыграл Вариации Веберна. Тогда это было удивительным, мы никогда не слышали серийной музыки. Я не могу сказать, что эстетически ее принимаю, она удовольствие мне не доставляет. Я Шнитке могу слушать бесконечно. А это музыка – рассудочная.

Было понятие «чужая музыка»?

Для меня такой позиции никогда не существовало. Для меня моя музыка – та, которую могу петь внутренне, которой хочется соинтонировать.

А из премьер, какие слышали в Ленинграде, что потрясло?

Шостаковические фуги, которые он сам играл... «Спартак»... Прежде всего – караяновское исполнение Бетховена и Шостаковича,

---

¹³ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Об опере “Великая дружба” В. Мурадели» от 10 февраля 1948 г., «осудило формалистическое направление в советской музыке, как антинародное и ведущее на деле к ликвидации музыки». «Организационные мероприятия соответствующих партийных и советских органов, направленные на улучшение музыкального дела» привели к запрету музыки Шостаковича и Прокофьева, вычеркиванию из концертных программ зарубежной музыки XX века, в преподавании акцент был перенесен на русскую музыку.

¹⁴ «Формалистическая» музыка композиторов нововенской школы – Шенберга, Берга, Веберна – была под запретом в Советском Союзе.

оно сохранилось в памяти как самое необычное¹⁵. Горовица я сравнивала с Софроницким, но Софроницкий – выше.

Проигрывателем не пользуюсь. Сейчас иногда на компьютере слушаю, на ютубе, но вижу плохо, мне тяжело набирать. К проигрывателю не прикипела. Мне всегда хотелось самостоятельно клавишно почувствовать. Сейчас многою музыку и приблизительно не сыграть, но все же.

У Вас такая замечательная память, богатая речь! Что помогает Вам держаться? Музыка?

Музыка – как объект деятельности. Необходимость труда.

На пенсию не хотелось?

Мне хочется иногда, когда надо идти, – не ходить. На днях был аспирантский экзамен, вступительный, надо было приехать к 10 утра, я встала, чертыхалась, но пришла – и все забыла.

Спортом никогда не занимались?

На коньках каталась – на стадионе «Динамо», на стадионе Ленина. Каждый вечер, когда молодой была.

Я – болельщица. Слежу за «Зенитом» с 1945-го! Николай Георгиевич Привано пристрастил. Тогда он первый раз пригласил нас на футбол с Ручьевской¹⁶. Мы поехали, ничего не понимая. А в конце матча я уже кричала: «Судью на мыло!». Мы с Вадимом Салмановым¹⁷ порой сбегали с уроков, кому-то поручали провести наши лекции, и уезжали на Крестовский – «Зенит» играл тогда не на стадионе имени Ленина, а на Кирова и на «Динамо». Была у нас и вторая команда, но потом она сдала.

Шостакович тоже был страстным болельщиком, и Коловский Олег Павлович. С игроками мы, правда, не были знакомы, до этого не доходило.

Татьяна Сергеевна, Вы член партии?

Никогда в жизни не была ни пионером, ни комсомолкой. Хотя меня так пионерская жизнь привлекала! Но моя семья была

---

¹⁵ Герберт Караян приезжал на гастроли в Ленинград в июне 1969 г.

¹⁶ Екатерина Александровна Ручьевская (1922–2009) – преподаватель музыкально-теоретических дисциплин в ЛГК с 1953 г., с 1981 г. – профессор.

¹⁷ Вадим Николаевич Салманов (1912–1978) – крупный композитор, с 1951-го преподаватель класса композиции в Ленинградской консерватории.

антибольшевистская и религиозная. Бабушка меня бы прокляла, если бы я надела красный галстук. Так что мне было трудно, жила двойной жизнью. Дома скрывала симпатии к пионерам. Это было болезненно. Я всю жизнь – беспартийный большевик. Настоящая боль – распад Союза, как моя бабушка болезненно переживала гибель империи, в детстве я ее не понимала, а сейчас понимаю, каково это, крушение идеалов.

Вас в церковь водили?

Конечно! В Никольский собор, я его прихожанка до сих пор. Сейчас, правда, уже не хожу, но душой с ними. На все великопостные службы. Тоже всегда было сопряжено с трудом. Весенние каникулы – всегда великий пост, надо было говеть, а в школе – вечеринки, туда ходить нельзя. Всегда дилемма. Ну... и ничего – можно жить.

А консерватория не ставила вступление в партию условием карьеры?

Я всегда говорила, что еще не доросла. Одно время усиленно побуждали. Юдовин Илья Моисеевич все говорил: «Ну, Татьяна Сергеевна! Нам же так не хватает порядочных людей в партии!». На партзанятия я ходила, мне было даже интересно – читала и Ленина, и Энгельса, там много полезного, в «Критике империализма и эмпириокритицизма», например. А «Происхождение частной собственности и государства» – замечательная философская книга. Вот из-за того, что Вы относитесь к ней с предубеждением, вы и не прочитали!

Существовал ли музыковедческий самиздат?

Музыковедческого не припомню. У меня были самиздатовские «Собачье сердце», «Один день Ивана Денисовича», он же был в самиздате сначала.

Были ли в Консерватории диссидентские кружки?

Меня они не касались. У меня никогда не было протеста против существующего строя, я его принимала и горько сожалею о развале Союза.

На выборы ходите?

Мне приносят урну. Всегда голосую.